

Ницше Фридрих

По ту сторону добра и зла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
По ту сторону добра и зла / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию,
2024. – 336 с.

ISBN 978-5-519-99899-4

ISBN 978-5-519-99899-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ужасъ искаженіемъ; такимъ искаженіемъ и была догматическая философія, напримѣръ, ученіе Веды— въ Азіи, платонизмъ—въ Европѣ. Мы не будемъ неблагодарными по отношенію къ философіи, хотя мы должны бы признаться, что изъ всѣхъ заблужденій самое худшее, самое прѣдлжательное и самое опасное было заблужденіе догматиковъ, а именно введенное Платономъ ученіе о чистомъ духѣ и о добрѣ самомъ по себѣ. Но теперь, когда оно побѣждено, когда Европа свободно вздохнула, избавившись отъ этого кошмара, и можетъ, по меньшей мѣрѣ, наслаждаться болѣе здоровымъ... сномъ, мы, задачу которыхъ составляетъ именно бодрствованіе, являемся наслѣдниками всей той силы, которая проповѣдовала борьбу противъ этого заблужденія. Конечно, разсуждать о духѣ и добрѣ, какъ это сдѣлалъ Платонъ, значитъ совершенно исказить истину и отказаться отъ надежды на будущее и отъ основнаго условія жизни; вѣдь можно даже спросить такъ, какъ спрашиваетъ докторъ: „откуда такая болѣзнь у Платона, лучшаго изъ умнѣйшихъ людей древности? Ужъ не испортилъ ли его злой Сократъ? развѣ не былъ Сократъ губителемъ юношества и развѣ не заслужилъ онъ чаши съ ядомъ? Но борьба съ Платономъ или, говоря точнѣе и понятнѣе для „народа“, борьба съ мистическимъ

VI

гнетомъ, длившаяся цѣлое тысячелѣтіе, вызвала въ Европѣ сильное, до тѣхъ поръ небывалое напряженіе ума: туго натянутый лукъ бьетъ далеко. Конечно, европеецъ мирится съ этимъ напряженіемъ, только по неволѣ; и онъ два раза дѣлалъ сильныя попытки ослабить тетиву,—первый разъ посредствомъ іезуитства, второй — посредствомъ демократическаго просвѣщенія, насколько можно достигнуть его при помощи свободы печати и чтенія газетъ—и понимать которыя можно безъ большого напряженія ума! (Нѣмцы выдумали порохъ—честь имъ и слава! но они испортили все дѣло тѣмъ, что выдумали прессу). Мы же, не будучи ни іезуитами, ни демократами, ни даже хорошими нѣмцами а только примѣрными *европейцами* и *свободными*, очень свободными умами, то намъ нуженъ весь нашъ умъ и все напряженіе его лука. А, кто знаетъ, можетъ - быть, нужна также и стрѣла—задача... Что же касается до цѣли...

· Июль 1885 г.

ГЛАВА I.

О предразсудкахъ философовъ.

1.

Устремленіе къ истинѣ, доводящее насъ иногда до риска, къ той пресловутой истинѣ, о которой всѣ философы говорили до сихъ поръ съ глубокимъ уваженіемъ, уже задало намъ столько вопросовъ! И какихъ странныхъ тревожныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживающихъ вниманія вопросовъ! Это уже давнишняя исторія, а между тѣмъ не кажется ли намъ, что она только - что началась? Что же удивительнаго, если мы, наконецъ, дѣлаемся недовѣрчивыми, теряемъ терпѣніе, нетерпѣливо отворачиваемся, и съ своей стороны, научаемся у этого сфинкса предлагать вопросы? Но кто же собственно задаетъ намъ вопросы? *Что* въ насъ стремится „къ истинѣ“? Правда, мы долго занимались вопросомъ о причинѣ этого стремленія и наконецъ остановились на болѣе существенномъ вопросѣ о томъ, *стоитъ ли* къ этому стремиться? Въ самомъ дѣлѣ, мы стремимся къ истинѣ, но почему же не лучше ея: ложь, неизвѣстность, даже невѣ-

жество? Выступилъ ли передъ нами неразрѣшенный вопросъ о важности истины, или мы передъ нимъ? Кто изъ насъ здѣсь Эдипъ? кто сфинксъ? Здѣсь, какъ кажется, встрѣчается много вопросовъ и вопросительныхъ знаковъ. И кто же повѣритъ, что мы представляемъ себѣ, будто проблема эта еще никогда не была поставлена, что будто бы мы, видя ее въ первый разъ, обращаемъ на нее вниманіе и осмѣливаемся за нее приняться? Ибо это рискъ и, можетъ-быть, очень значительный.

2.

Какимъ образомъ можетъ зародиться что-нибудь изъ того, что составляетъ съ нимъ контрастъ? Напримѣръ, истина изъ заблужденія? Или стремленіе къ истинѣ изъ стремленія къ обману? Или безкорыстный поступокъ изъ своекорыстія? Или чистое, свѣтлое созерцаніе мудреца изъ страстныхъ вожделѣній? Такое начало невозможно; тотъ, кто мечтаетъ объ этомъ—глупецъ или еще хуже того; высокіе предметы должны имѣть другое, свое *собственное* происхожденіе, не принадлежащее этому брэнному развращенному и обманчивому міру, этой путаницѣ безумія и похоти. Скорѣй же всего ихъ начало лежитъ въ лонѣ бытія, въ вѣчности, въ сущности самага предмета и кромѣ этого нигдѣ. Этотъ способъ сужденій относится къ тому типическому предразсудку, по которому узнаются метафизики всѣхъ временъ; этотъ способъ оцѣнки

составляетъ основу всей ихъ логики; съ этой своей „вѣрой“ они добиваются „знанія“ или чего-то такого, что въ концѣ-концовъ они могли бы окрестить громкимъ именемъ „истины“. Основная (главная) вѣра метафизиковъ это *вѣра въ противоположность оцѣнки*. Даже самому осторожному изъ нихъ не пришло бы въ голову сомнѣваться въ этомъ здѣсь, стоя уже на порогѣ, гдѣ это было бы въ высшей степени необходимо и исполнѣ оцѣнить свое проповѣдуемое правило „*de omnibus dubitandum*“. Хотя можно сомнѣваться, во-первыхъ, существуютъ ли вообще эти контрасты, во-вторыхъ, не суть ли эти сдѣлавшіяся популярными оцѣнки, оцѣнки противоположностей, на которыя метафизика наложила свою печать; можетъ-быть, это только поверхностныя оцѣнки, невѣрная перспектива, къ тому же, можетъ-быть, снятая изъ какого-нибудь угла, при чемъ глядѣли, можетъ-быть, снизу вверхъ, лягушечья перспектива, скажемъ мы, заимствуя выраженіе живописцевъ. Не смотря на то, что истина, правдивость и безкорыстіе должны быть оцѣнены по достоинству, очень возможно, что придадутъ больше цѣны обманчивому наружному виду, желанію обмануть, корыстолюбію и похоти и станутъ считать ихъ выше въ теченіе всей жизни. Можетъ-быть, именно то и придаетъ цѣну вышеупомянутымъ хорошимъ и всѣми уважаемымъ свойствамъ, что они коварнымъ образомъ соединены, какъ бы родственными узами, съ дурными, повидимому противоположными, имъ

свойствами, связаны и сцеплены съ ними, а можетъ-быть даже и тѣ и другія тождественны по существу. „Можетъ-быть!“ — Это одно предположеніе! Но кому же охота заниматься такими опасными предположеніями! Для этого надо ждать появленія новаго рода философовъ, съ другими, совершенно обратными, вкусами и наклонностями, чѣмъ теперешніе, — философовъ опаснаго „можетъ-быть“ въ какомъ угодно смыслѣ. И говоря серьезно, я знаю, что эти новые философы уже появляются на горизонтѣ

3.

Послѣ того какъ мнѣ приходится довольно долго читать между строкъ мысли какой-нибудь философіи и дойти до яснаго ихъ пониманія, я говорю себѣ: надо большую часть сознательнаго мышленія, и даже философскаго, считать инстинктивной дѣятельностью, надо въ этомъ случаѣ оставить наше старое понятіе, какъ оставили мы его относительно наслѣдственности и „врожденности“. Какъ въ дѣлѣ наслѣдственности бываетъ незамѣтно рожденіе одного лица среди длиннаго ряда предковъ и потомковъ такъ и „сознаніе“ никогда не бываетъ рѣзко противоположно инстинкту. Философъ въ большей части своего сознательнаго мышленія руководится скрытыми инстинктами, которые ведутъ его по извѣстному пути. Но за логикой, съ ея кажущейся самостоятельностью движенія, стоитъ

оцѣнка, говоря яснѣе, — фізіологическія требованія придерживатся опредѣленнаго образа жизни. Напримѣръ, если мы скажемъ, что опредѣленное цѣнится больше, чѣмъ неопредѣленное, кажущееся цѣнится меньше, нежели существующее на самомъ дѣлѣ, то подобная оцѣнка, при всей ея важности, какъ руководства для насъ, могла бы быть только поверхностною, чѣмъ-то въ родѣ *plaiserie*, хотя она и необходима для сохраненія подобныхъ намъ существъ. А если установить тотъ фактъ, что человѣкъ не можетъ быть мѣрою всѣхъ вещей...

4.

Невѣрность сужденія не подаетъ повода къ тому, чтобы опровергнуть это сужденіе; при этомъ наше новое мнѣніе кажется, быть-можетъ, чрезвычайно страннымъ. Вопросъ въ томъ, насколько невѣрное сужденіе соотвѣтствуетъ жизненнымъ потребностямъ; можетъ-быть, это необходимо для поддержанія жизни, для поддержанія извѣстнаго типа а, можетъ-быть, даже для его воспитанія, и мы имѣемъ полное право утверждать, что самыя невѣрныя сужденія, къ которымъ а *prigori* принадлежатъ сужденія синтетическія, въ высшей степени необходимы для насъ. Человѣкъ не могъ бы жить безъ оцѣнки логическихъ фикцій, безъ мѣрила дѣйствительности, приложеннаго къ міру вымысла, къ міру всего безусловнаго и безотносительнаго, безъ постоянно-невѣрнаго представленія о мірѣ.

Совершенное отрицаніе невѣрныхъ сужденій было бы равносильно отрицанію жизни, уничтоженію ея. Признать же условіемъ жизни неправду, значитъ опаснымъ образомъ противодѣйствовать привычной оцѣнкѣ, и философія, которая отваживается на это, уже однимъ этимъ ставить себя по ту сторону добра и зла.

5.

Обыкновенно на всѣхъ философовъ начинаютъ смотрѣть не совсѣмъ довѣрчиво и полунасмѣшливо не тогда, когда выяснится мало-по-малу, какъ они наивны, какъ часто и легко они ошибаются и заблуждаются, — словомъ, откроется ихъ ребячество и дѣтская простота, — но тогда, когда увидятъ то, что это у нихъ не искренно, хотя они и поднимаютъ большой шумъ, (какъ и слѣдуетъ добродѣтельнымъ людямъ) едва только, хотя издали, коснуться проблемы — въ чемъ истина? Они всѣ возстаютъ, какъ будто бы открыли въ саморазвитіи холодной, чистой, божественно-безпечной діалектики свои собственныя мнѣнія, чтобы не быть смѣшанными мистиками всякаго сорта, которые честнѣе и неповоротливѣе ихъ, — эти послѣдніе разсуждаютъ о „о вдохновеніи“, между тѣмъ, какъ въ сущности они защищаютъ, подкрѣпляя доводами, предвзятое положеніе, неожиданную выдумку, „внушеніе“, чаще всего, обстрактное утонченное сердечное желаніе; они всѣ адвокаты, — которые не

хотятъ этого сознать, — и даже большей частью лукавые защитники своихъ предразсудковъ, которые они окрестили „истиной“. Они очень далеки отъ мужества сознаться въ этомъ, очень далеки отъ эстетическаго вкуса мужества, дающаго это пониманіе—сознаться для того, чтобы предостеречь врага или друга, или же изъ своеволія и для того, чтобы самимъ посмѣяться надъ собой. Столь же скромное, какъ и упорное лицемѣріе стараго Канта, которымъ онъ увлекаетъ насъ на діалектическіе окольные пути, приводящіе (или, правильнѣе, совращающіе насъ) къ его „категорической повелительной рѣчи“—вызываетъ у насъ улыбки, такъ какъ намъ дѣлается очень смѣшно, когда мы ясно, какъ на ладони, увидимъ все тонкое коварство старыхъ моралистовъ и проповѣдниковъ морали. Или же еще тотъ фокусъ математической формы, въ которую Спиноза заковалъ, какъ въ броню и замаскировалъ свою философію—„любовь къ своей мудрости“, говоря правильнѣе—чтобы напередъ запугать дерзкихъ противниковъ, осмѣлившихся бросить взглядъ на эту недоступную дѣву, эту Палладу-Аѳину. Но сколько собственной робости и слабости усматриваемъ мы въ этомъ маскарадѣ философа съ болѣзненнымъ „отшельничествомъ!“

6.

Наконецъ выяснилось мало-по-малу, чѣмъ была до сихъ поръ всякая большая философія, а имен-

но: самопризнаніемъ ея основателя и чѣмъ-то въ родѣ невольныхъ и незамѣтныхъ для самого себя мемуаровъ; равнымъ образомъ обнаружилось и то, что нравственныя (или безнравственныя) цѣли всякой философіи были сѣменемъ, изъ котораго всякій разъ и вырастало цѣлое растеніе. Въ самомъ дѣлѣ хорошо (и умно) поступить тотъ, кто, желая объяснить какимъ образомъ произошли самыя отвлеченныя и метафизическія утвержденія какого-нибудь философа, прежде всего спрашиваетъ самъ себя: какую нравственную цѣль преслѣдуетъ эта философія (или философъ). Поэтому я не думаю, чтобы въ основѣ философіи лежало „стремленіе къ познанію“, но что здѣсь, какъ и въ иномъ случаѣ, другое стремленіе воспользовалось познаніемъ, (ложнымъ) только какъ орудіемъ. Но кто, рассматривая главные побужденія человѣка, обратитъ вниманіе на то, насколько они могутъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ, какъ вдохновляющіе геніи (или демоны и злые духи), тотъ найдетъ, что всѣ они уже занимались философіей, и что каждое изъ этихъ побужденій охотно представилось бы послѣдней цѣлью бытія и господствующимъ (и имѣющимъ на то полное право) надъ всѣми прочими побужденіями, ибо каждое изъ нихъ старается преобладать и, какъ таковое, пытается философствовать. Конечно, у ученыхъ, людей науки въ собственномъ значеніи этого слова, дѣло можетъ идти иначе— „лучше“; если хотите—здѣсь можетъ существовать дѣйствительное стремленіе къ познанію, нѣчто въ родѣ самостоятель-